

Алексей Кудряков



Кудряков Алексей Васильевич родился 14 мая 1988 г. в Свердловске. Окончил Уральский государственный лесотехнический университет по специальности «лесное хозяйство». На данный момент является аспирантом 2-го года обучения. Публиковался в журналах «Урал», «Сибирские огни». Автор книги «Стихотворения» (Екатеринбург, 2012, 500 экз.). Участник АСУП-3. Живёт в Екатеринбурге.

Филологическая маркировка стихов А.К.

Традиции, направления, течения: классика, модернизм, постакмеизм, поэзия первой волны русской эмиграции, поэзия битников, психологическая проза.

Основные имена влияния, переклички: И. Бунин, В. Набоков, В. Ходасевич, Б. Рыжий, Ю. Карзин, А. Тарковский, А. Кушнер.

Основные формальные приемы, используемые автором: элегизм, метатекстовость, метрическое разнообразие при общей интонационной сдержанности, психологизм, автобиографизм.

Сквозные сюжеты, темы, мотивы, образы: память, пейзажи, путь, дорога ради дороги (авто-стоп), слово, поэт и поэзия, интерьер, декорации, звук, музыка, тишина, любовь и смерть, метаморфозы зрения, размытость, тень.

Творческая стратегия: напряженное, подспудно тревожное, внимательное к деталям и нюансам вслушивание/всматривание в мир, рефлексивное называние как способ самоосуществления в поэзии и в бытии «в поисках утраченного времени» и «в поисках нас, утраченных временем».

Коэффициент присутствия: 0,2

АВТОБИОГРАФИЯ

Написание автобиографии есть процесс во многом обратный стихосложению. Ткань лирического повествования, материю стиха, с вышитыми на ней узорами стилистики и воображения, прихо-

дится расплетать, чтобы показать, из каких ниток тряпица сделана. Если поэзия – построение собственного мифа, то классическая автобиография – развенчание его. Естественно, что под мифотворчеством понимается не нарциссизм, не актерство, а создание и обретение своего Я, не личины, но лица. Поэтому перечисление событий, дат, обращение к «грубому материалу жизни» – явление отчасти деструктивное.

Справиться с противоречием помогает лишь следующее предположение. Автобиография строится на отношении к себе как к объекту. Лирическая поэзия утверждает субъективный взгляд. Но нельзя ли стать связью между объектом и субъектом? Не «совершенным ничто, человеком в плаще» и не «горланом-главарем», но непосредственно зрением, слухом? Как это сделать в поэзии – представляю смутно. Как этого же добиться в автобиографической прозе – не знаю вовсе. Однако именно по этому пути я намерен двигаться. Сейчас, в свои 24 года, я полагаю, что наиболее важные события, встречи, решения пришлось на сравнительно небольшой возрастной отрезок от 17 до 19,5 лет. Именно в это время я нашел несколько реперных точек, на которых и основывается моя сегодняшняя «система координат». Если условно ее представить в виде трех осей, то одна из них будет связана с социальной свободой/не-свободой, другая – с верой/безверием, третья – с личным творческим движением. Опорными точками были люди, открытые мной и оказавшие на меня влияние. С конкретными людьми связано и определение себя в пределах поколения. По моему убеждению, поколение – понятие вневременное, и человек свое время и свое отечество выбирает сам. Конечно, обстоятельства часто заставляют существовать в эмиграции и даже в ссылке, но память о родине – остается жива.

* * *

Раннее детство. Канун Нового года. Два моих старших брата, ученики начально-средних классов, и я строим в гостиной из кресел, стульев, покрывал нечто вроде балагана. В нем же и ночуем на протяжении каникул. Внутри – электрическая лампа, подушки, конфеты. Забава разрешена раз в году, и родителям приходится с нею мириться. Час чтения в детском саду. Воспитательница несколько удивленно и с сомнением листает принесенную мной книгу – Алексей Пантелеев, «Часы». Повесть была накануне мне прочитана дома и глубоко запала в душу. Реальной исторической подкладки, разумеется, не различаю, но главный герой беспризорник Петька по-дружески близок и понятен.



Мама, Лидия Михайловна Кудрякова (Паньшина)

Зимний вечер. Щебеночная насыпь, присыпанная снегом. Запах мазута и гари. Идем с отцом вдоль тепловоза по шпалам, мне лет 6–7. Впереди – окраина захолустного уральского городка: гаражи, бетонные плиты, брошенные в кучу, металлолом. Картина кажется фантастической, почти нереальной. Чувство одиночества, тоски, страха – может быть, впервые испытанное.



Елена Александровна Рябкова

Школьные годы. Сижу за топографической картой с курвиметром в руках. Рифмую стихотворение со строчками: «Вижу сквозь дымку таежные дали, / глядя на линии горизонталей». Острое желание вырваться за пределы комнаты, города, обыденности. Тяга к дорожной романтике. Пластинки Высоцкого, кассеты, диски Городничего, Кукина, Визбора, Якушевой.

Такое начало движения по первой оси, еще неосознанное, слепое. По-настоящему о бытовом и интеллектуальном «диссидентстве», об альтернативных моделях поведения и мышления я узнал позднее. Тогда лишь было ощущение всеобщей разрухи, неустроенности и, как следствие, желание спрятаться или отстраниться от видимой реальности.

Первым человеком, своим примером показавшим, что можно жить иначе, чем заведено в среднестатистическом обществе, и не бороться с действительностью, а просто выпасть из нее, был мой старший товарищ Иван. «Последний уральский битник», человек большого и оригинального ума. Видел я его не часто, приезжая на каникулы к родственникам в деревню. Первый вопрос, который он мне обычно задавал: на чем добрался? Сам он неизменно передвигался автостопом. Песни «Аквариума», «АукцЫона», как это ни странно, я впервые услышал и оценил не на флэтах Свердловска, города достаточно «цивильного», а в отдаленной уральской деревне, в избе с закопченными бревенчатými стенами.

Стали понятными словечки: «шершавая», «тюлень», «вписка». Первым студенческим летом без видимой цели добрался трассой до Москвы. Это было не просто открытием нового способа передвижения, но почти переворотом сознания, подлинной эйфорией. Пускаясь в обратный путь, имел в кармане 300 рублей, в дороге потратил половину. Палатки не было – только коврик и спальник. Ночевать приходилось под насыпью дороги, завернувшись от дождя в полиэтилен, на берегу Оки, на станции тогда еще строящегося Казанского метро.

Движение по второй оси однонаправленным и равномерным не было. Меня и моих братьев – всех вместе – родители крестили в 94-м году. Однако людьми религиозными, как и подавляющая часть населения в начальный постсоветский период, они не являлись. Понятия о вере, о Боге заменялись традиционной этикой. Значительная перемена произошла в конце 90-х. К этому времени отец оставил свои прежние атеистические убеждения и обратился к Церкви. С молчаливого согласия матери он записал меня в воскресную школу при Крестовоздвиженском мужском монастыре. Я не сопротивлялся; учеба вскоре пока-

залась интересной. Занятия велись раз в неделю, три предмета: Закон Божий, церковнославянский язык, церковное искусство. Принятый в школе распорядок, негласный «устав», отличался большой свободой и демократичностью. Регулярными были спортивные турниры, загородные поездки, самодеятельные концерты, спектакли и прочее.

Христианские ценности усваивались не столько во время уроков или за чтением катехизиса, сколько в общении с людьми: ровесниками, преподавателями, священниками. Моим первым и главным духовным педагогом, бесспорно, стала Елена Александровна Рябова. Женщина, открывшая мне евангельские заповеди, чья вера – личная и глубокая – для меня пример подлинно христианского мировосприятия. Ее дочери позднее было адресовано несколько моих стихотворений.

Церковно-приходскую школу окончил одновременно с гимназией и на какое-то время потерял связь с православной средой. К моменту, когда через пару лет заглянул в знакомый кружок, моя былая неискушенность успела обернуться памятью и сомнением. Тогда, пожалуй, я впервые ощутил себя человеком с историей. В течение нескольких вечеров беседовали со священником о свободе, творчестве, браке. Я цитировал Бердяева, мой оппонент – Феофана Затворника.

* * *

Оценивать свои перемещения по третьей оси мне сложнее всего. В гимназии за мной справедливо признавали не гуманитарный, но математический склад ума, и две мои единственные четверки в выпускном аттестате – по русскому языку и литературе. Может быть, в этом есть своеобразное преимущество – в старте не с нулевой, а с отрицательной отметки-черты: хотя бы уже потому, что увеличивается длина разбега.



А.К. с отцом, Василием Васильевичем, 2007 г.

Чувствуя серьезный недостаток знаний, пытаюсь его восполнить. Форсирование в идеале постепенного и протяженного во времени освоения культуры приводит к книжности, в поэзии – к «каталогизации музейных экспонатов». Из данного «отрицательного» качества пытаюсь извлечь нечто «положительное», ибо корень у достоинств и недостатков – один.

Сейчас наиболее плодотворным для себя считаю движение от ближнего к дальнему, от настоящего к прошлому, являющемуся и формой будущего. Поэтому современность – с ее общественными нормами, модой, искусством – меня интересует лишь в той мере, в какой помогает мне установить связь с временем ленинградских интеллигентских содружеств, с бит-поколением, с Серебряным веком и так далее.